



Пролог

Это нельзя было назвать долгожданным рассветом.

Небо уже говорило о нем грустным ореолом серебра, манящим из-за горизонта.

Юноша стоял вместе с отцом на террасе крыши мраморного дворца. Они наблюдали за тем, как бледные лучи восходящего солнца медленно, будто раздумывая, отодвигают темноту.

— Где он? — спросил юноша.

— Он не покидал свою комнату с тех пор, как отдал приказ, — не поворачиваясь, ответил отец.

Молодой человек, непрерывно вздыхая, пробежался рукой по своим волнистым волосам.

— Из-за этого на улицах города вспыхнут протесты.

— А вы быстро их подавите. — Это был резкий ответ, данный все еще до рассвета.

— Быстро? Ты считаешь, родители, вне зависимости от своего рода и ранга, не станут бороться, чтобы отомстить за своего ребенка?

Наконец отец повернулся к сыну. Его напряженные запавшие глаза выглядели так, словно какой-то груз тянул их изнутри.

— Они будут бороться. Они должны бороться. А ты позаботишься о том, чтобы им ничего не удалось достичь. Ты исполнишь свой долг перед королем. Понял?

Юноша ответил не сразу:

— Ясно.

— Генерал аль-Хури!

Мужчина повернулся к солдату, стоящему позади них.

— Да?

— Сделано.

Отец юноши кивнул, и солдат удалился.

Взгляды мужчин снова обратились к небу.

Они ждали.

Капля дождя упала на засушливую почву под их ногами, исчезнув в желто-коричневом камне. Другая стукнула по железным перилам, прежде чем скатиться в никуда.

Вскоре дождь усилился.

— Вот доказательство, — сказал генерал с тихой тоской в голосе.

Юноша, помедлив с ответом, промолвил:

— Он не выдержит этого, отец.

— Он сможет. Он сильный.

— Ты никогда не понимал Халида. Дело не в силе. Речь идет о его сущности. Последствия уничтожат все, что от него осталось, опустошат его, превратив в тень того, кем он когда-то был.

Генерал поморщился:

— Ты считаешь, я этого хотел для него? Я бы захлебнулся в собственной крови, чтобы не допустить подобного. Но у нас нет выбора.

Юноша потряс головой и вытер капли дождя, стекающие по шее.

— Я отказываюсь в это верить.

— Джалал...

— Должен быть другой выход. — С этими словами молодой человек отошел от перил и, спустившись по лестнице, исчез.

Во всем городе начали заполняться давно иссохшие колодцы. Потрескавшиеся, высушенные солнцем резервуары переливались волнами надежды, и люди города Рей просыпались, чтобы встретить новую радость. Они бежали на улицу, подставляя улыбающиеся лица небу. Не зная, какую цену им предстоит заплатить.

А в глубинах дворца из камня и мрамора восемнадцатилетний юноша сидел в одиночестве перед столом из полированного черного дерева...

Он слушал дождь.

Единственный свет в комнате отражался в его янтарных глазах.

Свет, охваченный тьмой.

Юноша, упершись локтями в колени, обхватил голову руками, тень от которых напоминала корону. Затем потупил взгляд и слова эхом зазвучали вокруг него, гудя в ушах обещаниями о жизни, оставшейся в прошлом.

Жизни, которая искупила бы его грехи.

«Сто жизней за одну отнятую. Одна жизнь за один рассвет. Пропустишь хоть одно утро, и я заберу у тебя твои мечты. Я заберу у тебя твой город. И количество жизней, которые я отниму у тебя, возрастет тысячекратно».



РАЗМЫШЛЕНИЯ О ШЕЛКЕ И ЗОЛОТЕ

Они не были ласковы с ней. Да и с чего бы это?

В конце концов, они не ожидали, что она доживет до следующего утра.

Руки, что расчесывали гребнями из слоновой кости длинные, до пояса, волосы Шарзад и натирали ее бронзовые предплечья пастой из сандалового дерева, делали это с жестоким видом отстраненности.

Шарзад наблюдала за тем, как одна из молодых служанок посыпала ее голые плечи хлопьями золота, ловившими свет заходящего солнца.

Ветер трепал полупрозрачные шелковые занавески, окаймляющие стены комнаты. Сладкий аромат цитрусового цветения повеял сквозь резные деревянные ставни, ведущие на террасу, нашептывая об уже недостижимой свободе.

«Это был мой выбор. Помни Шиву».

— Я не ношу ожерелий, — сказала Шарзад, когда другая служанка хотела надеть гигантское, инкрустированное драгоценными камнями украшение ей на шею.

— Это подарок халифа. Вы должны надеть его, моя госпожа.

Шарзад уставилась на хрупкую девушку в изумленном неверии.

— А что, если я не надену? Он убьет меня?

— Пожалуйста, моя госпожа, я...

Шарзад вздохнула:

— Полагаю, сейчас не время для этого.

— Да, моя госпожа.

— Меня зовут Шарзад.

— Я знаю, госпожа. — Девушка смущенно отвернулась, прежде чем заняться позолоченной мантией хозяйки.

Пока две молодые служанки надевали тяжелое одеяние на ее блестящие плечи, Шарзад в отражении зеркала изучала свой законченный образ.

Ее кудри цвета безлунной ночи мерцали, как полированный обсидиан, и карие глаза обрамляла кайма чередующихся штрихов черной сурьмы и золота. В центре лба висел рубин в форме капли, размером с палец; его брат-близнец свисал с тонкой цепи на ее голой талии, задевая шелковый пояс шаровар девушки. Сама мантия, цвета бледной дамасской розы, была расшита нитями золота и серебра, образующими сложный узор, к низу все более хаотичный и вспыхивающий цветами у ее ног.

«Я похожа на позолоченного павлина».

— У них у всех был такой нелепый вид? — спросила Шарзад. И снова обе девушки неловко отвели взгляды.

«Я уверена, Шива не выглядела столь нелепо...»

Лицо Шарзад застыло.

«Шива наверняка выглядела красивой. Красивой и сильной».

Ее ногти вонзились в ладони; крошечные полумесяцы стальной решимости.

Головы всех трех девушек повернулись на тихий стук в дверь, а их дыхание замерло.

Несмотря на ее новообетенную решимость, сердце Шарзад начало колотиться.

— Можно войти? — нарушил тишину мягкий голос ее отца, пронизанный мольбой и извинением.

Шарзад медленно выдохнула... чуть слышно.

— Баба¹, что ты здесь делаешь? — Голос девушки звучал спокойно, однако настороженно.

Джахандар аль-Хайзуран неспешно вошел в комнату. Его борода и виски уже подернулись сединой, и множество оттенков карих глаз поблескивало и переливалось, как море в разгар шторма.

¹ Баба — уважительное обращение к отцу в арабских странах. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

В руке он держал бутон розы. Бледный посередине, цветок имел красивые сочные лепестки, розовато-лиловые по краям.

— Где Ирза? — спросила Шарзад с угадывающейся в голосе тревогой.

Ее отец грустно улыбнулся.

— Она дома. Я не позволил ей пойти со мной, несмотря на то, что она боролась и бушевала до последнего момента.

«Хотя бы этим моим желанием он не пренебрег».

— Ты должен быть с ней. Сегодня ты ей особенно нужен. Пожалуйста, баба, ты сделаешь это для меня? Сделаешь, как мы договаривались? — Потянувшись, она взяла его за свободную руку, плотно сжав ее, умоляя этим жестом следовать изложенным ею накануне планам.

— Я... я не могу, дитя мое. — Джахандар опустил голову, рыдание поднималось в его груди, и узкие плечи дрожали от горя. — Шарзад...

— Будь сильным. Для Ирзы. Я обещаю, все будет хорошо. — Шарзад коснулась ладонью его обветренного лица и стерла скупые слезы со щеки.

— Я не могу. Мысль о том, что это, возможно, твой последний рассвет...

— Он не станет последним. Я увижу завтрашнюю зарю. Это могу тебе обещать.

Джахандар кивнул, его страдания ничуть не уменьшились. Он протянул розу в руке.

— Последняя из моего сада; она еще не успела полностью расцвести, но я хотел дать ее тебе как напоминание о доме.

Шарзад, улыбувшись, потянулась к нему, любовь между ними была намного больше обычной благодарности, но он остановил ее. Осознав причину, она начала протестовать.

— Нет. По крайней мере в этом я могу хоть что-то для тебя сделать, — пробормотал отец почти про себя. Он уставился на розу, его лоб нахмурился, и уголки губ опустились.

Одна из служанок вежливо кашлянула, в то время как вторая опустила глаза в пол.

Шарзад терпеливо ждала. Сознательно.

Роза начала раскрываться. Ее лепестки раскручивались, подталкиваемые к жизни невидимой рукой. Когда она распустилась,

нежный аромат заполнил пространство между ними, сладкий и на мгновение показавшийся идеальным... но вскоре он стал невыносимым. Приторным. Края лепестков из яркого, насыщенно-розового цвета в мгновение ока приобрели оттенок темной ржавчины.

И тогда цветок начал чахнуть и умирать.

Встревоженный, Джахандар смотрел, как высушенные лепестки опадают на белый мрамор под их ногами.

— Я... Прости меня, Шарзад! — вскричал он.

— Это не имеет значения. Я никогда не забуду, каким прекрасным он был в тот момент, баба. — Она обвила руками его шею и притянула к себе. Голосом, настолько тихим, что только он мог слышать, прошептала ему на ухо: — Поезжай к Тарику, как ты и обещал. Забирай Ирзу и уходи.

Он кивнул, его глаза вновь заблестели.

— Я люблю тебя, дитя мое.

— И я люблю тебя. Я сдержу свои обещания. Все.

Поборов слезы, Джахандар молча подмигнул своей старшей дочери.

На этот раз стук в дверь скорее требовал внимания, чем просил о нем.

Шарзад вскинула голову в направлении источника шума, кровавый рубин повторил ее движение. Она расправила плечи и подняла острый подбородок.

Джахандар отошел в сторону, прикрыв лицо руками, когда его дочь уверенно зашагала вперед.

— Мне жаль, так жаль, — прошептала она ему, прежде чем переступить через порог и последовать за группой стражников, сопровождавших процессию.

Когда Шарзад скрылась за поворотом, Джахандар медленно опустился на колени и зарыдал.

Девушку сопровождало горе отца, эхом разносившееся по залам, ноги Шарзад отказывались нести ее вниз по глухим коридорам дворца. Она остановилась, ее колени дрожали под тонким шелком объемных шаровар.

— Госпожа? — спросил один из стражников скупающим тоном.

— Он может и подождать, — выдохнула Шарзад.

Стражники обменялись взглядами.

Ее слезы грозили проложить предательский путь по щекам, и Шарзад прижала руку к груди. Невольно кончики пальцев коснулись края толстого золотого ожерелья, обвившего ее шею, украшенного драгоценными камнями диковинного размера и несказанного разнообразия. Оно было тяжелым... душащим. Будто драгоценные кандалы. Она обхватила пальцами вызывающий смятение предмет, на секунду подумав о том, чтобы сорвать его с себя.

Ярость утешала. Напоминание о подруге.

«Шива».

Ее лучший друг, Шиве можно было доверить самое сокровенное.

Она поджала пальцы в плетеных сандалиях из золотой тесьмы и вновь расправила плечи. Безмолвно продолжила свой марш.

Стражники снова переглянулись.

Когда они подошли к массивным створчатым дверям, ведущим в тронную залу, Шарзад осознала, что ее сердце стучит в два раза быстрее обычного. Двери распахнулись с громким скрипом, и она сфокусировалась на своей цели, игнорируя все остальное.

В самом конце огромного пространства стоял Халид ибн аль-Рашид, халиф Хорасана. Король королей.

«Монстр из моих ночных кошмаров».

С каждым шагом Шарзад ощущала, как ненависть нарастает в ее крови вместе с четкостью цели. Она смотрела на него, не отводя взгляда. Среди остальных мужчин в свите он выделялся своей гордой осанкой, и, по мере того как она подходила ближе, становились видимыми детали.

Он был высоким и стройным, с фигурой молодого человека, опытного в военном деле. Укладка его прямых волос намекала на желание иметь порядок во всем.

Взойдя на помост, она взглянула на него снизу вверх, отказываясь поклониться даже перед лицом своего короля.

Он чуть приподнял свои густые брови, обрамлявшие глаза настолько бледно-карего оттенка, что от вспышек света они выглядели янтарными, как у тигра. Его профиль был словно выточен скульптором, и, стоя неподвижно, он тоже внимательно изучал ее.

Лицо, которое будто резало, взгляд, который прокалывал насквозь.

Он подал ей руку.

Уже протянув ладонь, она вспомнила, что нужно поклониться.